

Научная статья
УДК 94(47).083
doi: 10.17223/15617793/482/13

Стиль работы раскладочного присутствия и личность податного инспектора в Томской губернии начала XX в.: фактор чиновника в эпоху становления подоходных налогов

Алексей Константинович Кириллов¹

¹*Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, alkir.nsk@gmail.com*

Аннотация. Ответ на вопрос о роли податных инспекторов в работе фискальной системы России начала XX в. автор пытается найти при помощи материалов о спорах вокруг размеров налоговых платежей западно-сибирских предпринимателей. Сопоставляя источники о рассмотрении жалоб во 2-м Томском раскладочном присутствии при двух податных инспекторах, автор приходит к выводу о том, что стиль их работы существенно разнился с точки зрения, во-первых, готовности инспектора к восприятию доводов плательщиков и, во-вторых, прозрачности принимаемых решений.

Ключевые слова: история налогов, подоходный налог, промысловый налог, податное присутствие, Россия начала XX в.

Благодарности: приношу благодарность сотрудникам Государственного архива Томской области и лично Анастасии Геннадьевне Караваевой, без поддержки которой выполнение этой работы было бы невозможно.

Для цитирования: Кириллов А.К. Стиль работы раскладочного присутствия и личность податного инспектора в Томской губернии начала XX в.: фактор чиновника в эпоху становления подоходных налогов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 125–134. doi: 10.17223/15617793/482/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/13

The working style of the business tax distribution office and the tax inspector's personality in Tomsk Governorate in the early 20th century: The factor of an official in the epoch of income taxes formation

Alexey K. Kirillov¹

¹*Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation alkir.nsk@gmail.com*

Abstract. Business tax distribution offices in Russia in the early 20th century were a part of the system of relations between the state and the taxpayer, relevant to the era of income taxation formation in the Western world. Working in the interests of filling up the state budget, the offices consisted mainly of representatives of merchants paying the tax. One of the unexplored issues in the work of the Russian tax offices is the dependence of their practices on the personality of the tax inspector chairing the meetings. Rare material for the study of this issue is provided by the archival fund of the 2nd Tomsk Business Tax Distribution Office. The author's sources include complete annual collections of minutes of the office meetings held under two different tax inspectors. The progress and results of considering the merchants' complaints as presented by the minutes reveal significant differences in the working style of the two inspectors. Under inspector D. Fedorchenko, the office would delve into the state of affairs of each petitioner as deeply as possible and explain reasons for its decision in details. The number of rejections exceeded the number of satisfied applications, the inspector guarded vigilantly the interests of the treasury. Still, decisions in favor of the payers were made not only on the basis of legally indisputable documents, but also on the basis of taxpayers' "unfounded" (according to the instructions) explanations. The office sought to determine as accurately as possible the taxable base for each payer, so as to avoid understating and overstating the amount. Under inspector K. Gruzinov, in most cases, refusal decisions were made on formal grounds, without an attempt to consider the case in substance. And even if merchants presented legally weighty arguments (bookkeeping records), they were in most cases rejected on formal grounds. However, from time to time, K. Gruzinov made concessions to taxpayers that he could well avoid without breaking the law. The facts presented in the article allow a conclusion that the style of work of the two inspectors differed significantly concerning their readiness to accept other people's arguments and the transparency of their decisions. Fedorchenko's methods favored the interests of his duties, meanwhile Gruzinov's style better ensured the personal interest of the inspector, since it did not require selfless overtime work. The system of the business tax

was tolerant to the inspector's taking the way of least resistance, which favored the predominance of Gruzinov's methods throughout the country. Under such conditions, not relying on the conscientiousness of officials, but limiting the rights of tax offices in favor of taxpayers' rights could be the only protection against arbitrariness. Limitation of this kind came true when the 1916 income tax law was being created.

Keywords: tax history, income tax, business tax, tax office, late imperial Russia.

Acknowledgements: I express my gratitude to the staff of the State Archive of Tomsk Oblast, and personally to Anastasia G. Karavaeva: without her support this work would not have been possible.

For citation: Kirillov, A.K. (2022) The working style of the business tax distribution office and the tax inspector's personality in Tomsk Governorate in the early 20th century: The factor of an official in the epoch of income taxes formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 125–134. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/13

Раскладочные присутствия – потешные полки новой налоговой системы, медленно возникавшей в результате долгой податной реформы капиталистической России. Еще не решаясь ввести налог под названием «подходный», реформаторы экспериментировали с подходным принципом в других налогах. Прежде чем перенести на новые налоги основную тяжесть податного бремени, надо было убедиться в дееспособности технологии определения дохода.

Подходный налог – это нечто большее, чем просто финансовая подробность. Это крупное завоевание общественного прогресса XIX в., стоившее немало сломанных копий. Весь «длинный XIX век» связан с привыканием человечества к мысли о том, что бюджет должен опираться не на тех, кого больше, а на тех, кто богаче. В Англии подходный налог, уже введенный было в годину таких дорогостоящих Наполеоновских войн, пришлось отменять, и показательно сжигать собранные казначейством данные о плательщиках; лишь после четвертьвекового перерыва этот налог появился вновь [1, 2]. В США потребовалось не просто повторное введение подходного налога, но ещё и принятие специальной поправки к конституции перед этим. Американцы все-таки успели ввести подходный налог до начала Первой мировой войны (1913). России (1916) и Франции (1917) потребовался дополнительный стимул в виде чрезвычайных военных расходов.

Сама по себе драматичная история борьбы западного мира за подходный налог была изложена по горячим следам. Деятельный сторонник этого налога, американский экономист и публицист Эдвин Зелигман, сопоставляя устройство этого налога в США и странах Западной Европы, приходил к заключению, что американцы «могут гордиться тем, чего удалось достичь» [3. Р. 703.]. Для него то была история борьбы за справедливость. Выдавливать деньги на государственные расходы надо не из тех, кто пойдёт последнюю коровушку продавать для уплаты недоимки, а из тех, у кого денег много – так понимали дело многие современники. Такое представление о налоговой справедливости прочно закрепилось в мире в первой половине XX в., только в последней четверти столетия борцы за свободное развитие предпринимательства взяли частичный реванш [4].

Через сто лет после Зелигмана к истории появления подходных налогов в США обратился чикагский профессор Аджай Меротра. Формулируя фокус своего исследования, он отчасти повторяет идею Зелигма-

на, но задаёт более широкие рамки: переход к прогрессивным прямым налогам в США, по словам Меротра, означал «появление новой системы податного устройства государства, которая вдохновлялась стремлением не только собрать побольше налогов, но учесть более широкие соображения общественного свойства: об экономической справедливости, гражданском сознании, дееспособности госаппарата, о силе общества» [5]. Как видим, наряду со справедливостью здесь возникают государственный аппарат и гражданское сознание. Связанная с этим постановка проблемы требует дополнительного пояснения.

Стокгольмский профессор Ян Глет, изучавший налоговые перемены в Испании, Голландии и Швеции в XVI–XVII вв., увязывал их со складыванием нового типа государства – фискально-военного. «Появление такого государства как нового типа общественного устройства изменило отношения между государством и обществом» – полагал он [6. Р. 2]. Уточняя это положение, испанский профессор Бартоломе Юн-Касалилья так описывает содержание этого перехода: «основой для сбора налогов стали не сообщества, а отдельные лица» [7. Р. 12]. Завершение этого процесса Юн-Касалилья относит к эпохе Наполеоновских войн, а с учётом распространения новой системы по всей Европе продлевает срок до начала XX в., тем самым возвращая нас из Средневековья к уже знакомой нам эпохе. Гонконгский историк Венкай Хе расширяет этот подход географически: аналогичные европейским явления он обнаруживает и в Японии второй половины XIX в. (хотя и не находит их в своём родном Китае, перед налоговой политикой которого стояли те же задачи, что и в Европе) [8. Р. 18].

Итак, переход от налогов типа подушной подати к подходным налогам требовал гораздо более близкого знакомства государства с делами своих подданных. До тех пор государство могло себе позволить не знать доходов подданных, так как и крестьянская община, и мещанское общество отвечали круговой порукой, а купцов достаточно было облагать по формальным признакам (и взимать одинаковые суммы с членов одной гильдии, игнорируя разницу в их доходах). Теперь же, чтобы взимать подходный налог в правильном размере, государство должно было глубоко сунуть свой нос в дела отдельного человека. Как замечает гейдельбергский профессор Эккарт Шреммер, это привело к складыванию в XX в. интервенционистского государства [9. Р. 452].

Именно эта сторона дела вызывала сильное беспокойство современников на Западе. И даже небогатые плательщики выступали за снижение налогов с богатых, так как воспринимали враждебно само государственное вторжение в жизнь человека ради поиска облагаемых доходов [10. Р. 15]. Именно эта сторона дела оказывается на первом плане в монографии нью-йоркского профессора Янни Коцониса, которая основана полностью на российском материале от Великих реформ до нэпа [10].

Его наблюдения за усилением государственного вмешательства в финансовую жизнь людей лишены критического подтекста: все происходящее он воспринимает как неотъемлемую черту превращения человека в гражданина. Необходимость пустить недреманное око государства в свои финансовые секреты – это для Коцониса лишь оборот медали, на лицевой стороне которой – гражданские права и свободы.

Можно назвать это парадоксом: борясь за вроде бы более демократичную тенденцию (брать с богатых и с бедных не поровну, с богатых больше), государство в то же время усиливает проникновение в частную (для начала – экономическую) жизнь отдельного плательщика. В послесловии к своей монографии, подытожившей его податные исследования, Коцонис рассуждает о роли налогов и роли гражданственности в Советском Союзе. Действительно, подоходный налог, за который боролись либералы в царское время, с точки зрения усиления контроля за отдельным человеком стал еще одной ступенькой на лесенке, ведущей к сталинской модели государственно-общественного взаимодействия.

Предыдущей ступенькой на этой лесенке и были раскладочные присутствия. Они имели задачей определять прибыль предприятий, не ведущих правильной бухгалтерии. От этого зависело распределение определённой суммы между плательщиками, а после реформы 1898 г. – ещё и размер поступлений от процентного «сбора с излишка прибыли». Кажется парадоксальным, что орудием казны, заинтересованной в увеличении сборов, стали органы, состоящие по большей части из плательщиков – людей, заинтересованных в том, чтобы платить меньше. Тем не менее привлечение общества к наполнению государственного бюджета не было исключительно российской практикой. И английские, и прусские присутствия, и присутствия некоторых американских штатов состояли из представителей налогоплательщиков, а представлявший интересы государства податный инспектор (даже при участии акцизного чиновника) оказывался в меньшинстве. В Англии число податных чиновников (*surveyors*) в 1860-е гг. не достигало и 400, тогда как число местных представителей (*local commissioners*) с их помощниками (*officers*) превышало 50 тыс. Это были не чиновники, а местные выборные, выполнявшие общественное поручение.

Именно они и занимались оценкой подаваемых деклараций, имея право исправлять заявленную сумму дохода на свое усмотрение заочно или по итогам

собеседования с плательщиком. В двух статьях Маргарет Лэмб [11, 12], где приведены результаты её диссертации [13], показано, что в середине 1850-х гг. правительственный контроль над налоговыми декларациями опирался на субъективное усмотрение должностных лиц, существенно не ограниченное «объективными» правилами расчета. Лишь к концу века «правильная дисциплина Нового времени» возобладала над произволом. Одновременно снижалась и роль местных представителей, в начале XX в. основную роль стали играть чиновники.

Работа раскладочных присутствий в России в последнее десятилетие обратила на себя внимание исследователей. Этот сюжет затрагивался в публикациях Марискиных [14, 15] (в контексте предпринимательских налогов) и А.М. Новоторцевой [16] (в контексте микроистории). Е.С. Кравцова недавно привлекла внимание товарищей по цеху экономической истории к необходимости более глубокого изучения российских податных присутствий всех видов [17]. Ю.И. Петров, соприкоснувшийся с работой раскладочных присутствий на смоленских материалах, пришёл к мысли об умелом привлечении податными инспекторами общественных представителей и, как следствие, успешном их взаимодействии в деле раскладки налога [18. С. 190]. В том же ключе упоминает раскладочные присутствия Янни Коцонис. Инспектор и члены присутствия, согласно Коцонису, отлично уживались, подтверждением чего служит цифра: в 1912 г. мнения инспекторов и членов присутствия по вопросу о назначении суммы дополнительного раскладочного сбора разошлись лишь в одном случае из тысячи. Другая возможная линия противостояния в связи с работой раскладочных присутствий – это противостояние между присутствием в целом (инспектор плюс выборные члены) и плательщиком. Борьба по этой линии регистрировалась чаще: от 3% обжалованной суммы раскладочного сбора в 1889–1891 гг. до 5% в 1912 г. Но и этот показатель, сравнивая его с прусскими цифрами 1892–1897 гг. (13%), Коцонис называет низким [10. Р. 133–136]. Он справедливо уязвляет незначительность обжалований с тем, что для убедительного оспаривания предписанной цифры предпринимателю требовалось предоставить свои бухгалтерские записи, составленные по официальным правилам – явление среди мелких торговцев и промышленников крайне редкое.

Тем не менее жалобы (официально именуемые «возражениями») подавались, и по каждой из них участковое присутствие составляло «мотивированное заключение» для общего присутствия казённой палаты (которое и принимало решение). Сопоставляя «мотивированные заключения», составленные при разных податных инспекторах, мы можем увидеть личный почерк каждого из них как руководителя присутствия.

Журналы заседаний по рассмотрению возражений на раскладку (в которые и записывались «мотивированные заключения») – документ массовый: ежегодно, на протяжении десятилетий в России составлялись тысячи и десятки тысяч подобных документов. Тем не менее подборка, использованная для данной статьи,

раритетна. Она включает три полных годовых набора журналов (вместе с исходными возражениями), что уже редкость: как правило, подобные материалы не сохранились. Каждый набор составляет (вместе с перепиской между казённой палатой и инспектором) отдельное архивное дело в фонде Томской казённой палаты. Все решения созданы 2-м Томским раскладочным присутствием с разницей лишь в восемь лет, причём под руководством двух разных податных инспекторов. Правда, за эти годы казённая палата успела провести новую нарезку податных участков, территория 2-го томского участка изменилась: авторы возражений 1907 г. живут в разных поселениях южной части Томского уезда, все возражения 1913 и 1915 гг. поданы предпринимателями города Томска. Но есть и сходство: и в 1907, и в 1913–1915 гг. среди «клиентов» этого присутствия преобладали городские торговцы.

Один из сюжетов, освещаемых этими документами (дело Г.И. Фуксмана), рассматривался в монографии, подводившей предварительные итоги изучения податной системы пореформенной России [19. С. 121–129]. Но дело Фуксмана имело особую подкладку (желание чиновников наказать неугодного купца); теперь же обратимся к рутине податных присутствий, не отмеченной печатью предвзятости.

Начнём с материалов 1907 г. В этом году работой присутствия руководил Д.С. Федорченко, очевидно, по молодости оставшийся ещё в статусе помощника податного инспектора. Известно, что в мае–июне 1907 г. ему пришлось принимать участок у своего предшественника [20. Л. 322–323], но и в 1903, и в 1905 гг. ему уже доводилось руководить раскладками, он же (судя по открывающему дело протоколу) с самого начала вёл и раскладочную кампанию 1907 г.

Ещё в 1902 г. податной ревизор Дмитрий Львович Киреевский, давая оценку работе всей податной инспекции Томской губернии, особенно хвалил именно постановку работы по промысловому налогу: «дело надзора за производством торговли и промыслов в Томской губернии надлежит признать поставленным в пределах возможного правильно» [21. Л. 323 об. – 324]. Он же, впрочем, упрекал инспектора 2-го Томского участка в недостаточно внимательном отношении к новониколаевской торговле. Молодой посёлок Новониколаевский (с 1903 г. – город), расположенный на юге Томского уезда, быстро рос именно как торговый центр.

Из отношения Д.С. Федорченко в казённую палату [20. Л. 15–17] известно, что присутствие под его руководством в 1907 г. рассмотрело 53 возражения на раскладку. Это на порядок больше, чем во времена Д.Л. Киреевского, и сам инспектор оценивал количество жалоб как большое. Связан ли рост числа жалоб на раскладку с недавней революцией, заронившей в души российских граждан страсть к борьбе за свои права, или с ростом новониколаевской торговли, но инспектор подошёл к возражениям ответственно. По каждому предприятию дано предельно подробное обоснование принятого решения. Д.С. Федорченко опирался при этом не только на свои данные, но и на

знания членов присутствия. Даже после двукратной неявки выборных членов присутствия он не воспользовался правом провести заседание без них и всё-таки дождался выборных. Вынужденный отвечать на претензии Казённой палаты о произошедшей из-за этого задержке, инспектор не без раздражения предложил начальникам убедиться «путем расследования», что во время раскладочной кампании он «посвящал делам целые дни, не выходя из квартиры по несколько недель сряду и положительно не отходя от письменного стола» [20. Л. 322 об. – 323].

Забываясь об интересах казны, Д.С. Федорченко довольно строго отнёсся к возражениям плательщиков. Только в 6 случаях из 53 налог был снижен. Ещё 15 возражений, поступивших после положенного срока, вообще были оставлены без рассмотрения [20. Л. 18–18 об.]. Типичный пример строгости инспектора даёт разбор жалобы крестьянина Ишимской волости деревни Медведчиковой Никифора Фатеевича Алькова. Ему вменили доход в 700 руб., тогда как он заявлял 120 руб. валовой прибыли, из которой к тому же вычитал крестьянские и земские налоги, а заодно жаловался на малый доход от развозной торговли по уезду и возмущался, что Антон Кербин в с. Ишимском имеет большую торговлю и лучше всех торгует, а платит только 7 рублей налога [20. Л. 28]. В журнале раскладочного присутствия по рассмотрению этого возражения читаем, что Альков – один из крупнейших торговцев своей волости, ведёт «большую меновую торговлю» (если торговец разрешал покупателям рассчитываться не деньгами, а продуктами собственного производства, это считалось обстоятельством, увеличивающим его оборот и прибыль). В 1906 г. «продал одного только воску, собранного путем мены на товар, свыше 200 руб.» (сумма подчёркнута двойной чертой) [20. Л. 29 об.]. Поэтому присутствие не находит цифру в 7 000 руб. оборота и 700 руб. прибыли завышенной, налог в 10,6 руб. сохраняется.

Иной раз инспектор действует даже, по-видимому, на грани фола. Новониколаевский торговец Михаил Николаевич Верхов жаловался, что ему вменено прибыли 4 000 руб. Между тем, по его словам, в марте 1907 г. присутствие сообщало, что ему вменили 7 000 руб. оборота (а прибыли, значит, на порядок меньше). Настаивая на последней цифре, он приглашал чиновников проверить счета и торговые записи, делаемые для себя [20. Л. 71–71 об.]. В ответ присутствие сообщило, что «по общему мнению» товарищей Верхов по мануфактурному ряду на новониколаевском базаре, «Верхов торгует удачнее всех, исключая находящихся здесь же двух магазинов Жернаковых. Товар покупает из первых рук в Москве и Нижнем и привозит его в течение года несколько раз, что указывает на быстрое обращение капитала. Во всякое время можно найти в его лавке тысяч на 20 всякого товара, главным образом, мануфактурного» [20. Л. 72 об.]. Вот почему вменённый ему оборот в 40 тыс. руб. (и соответственно, прибыль 4 тыс. руб.) следует считать обоснованными. Притом заявление Верхов о 7 тыс. руб., вменённых ему изначально, в объяснениях присутствия проигнорировано совершенно. Если

бы это заявление было ложным, присутствие, конечно, с удовольствием бы на это указало. Раз такого указания нет, надо думать, что действительно, речь идёт об ошибке инспектора, исправленной за счёт членов присутствия уже после рассылки извещений. Конечно, это было похоже на отказ от собственного слова, но инспектора это не смутило.

Разбирая возражения плательщиков, инспектор выказывал отличные историкомедведческие навыки. Вот – Иван Иванович Вахромеев, владелец мелочной лавки¹ в селе Тутальском (вменённая прибыль 900 руб., налог 48,6 руб.). Лавка, по объяснению хозяина, «находится в селении, в котором насчитывается до 50-ти дворов, в селении этом есть еще другая лавка, имеющая большее преимущество пред моей как производящая торговлю мануфактурными товарами; кроме того селение Тутальское находится в 5 верстах от торгового (с базаром и торговыми лавками) села Поломошного» [20. Л. 67–67 об.]. В отличие от многих, жалобщик не поленился запастись специальным документом: «При генеральной поверке Тутальским волостным старшиною в присутствии сведущих лиц установлено, что лавка моя имеет валового оборота в год 700 руб.» [20. Л. 67 об.]. О чём и выдана здесь же приложенная справка на бланке Тутальского волостного правления, за подписью старшины и писаря, с фиолетовой печатью. Инспектор парировал: «Хотя к возражению Вахромеева приложено удостоверение Тутальского волостного правления, написанное одною и той же рукой и подтверждающее заявление жалобщика, однако удостоверение это, по мнению присутствия, устанавливает не столько справедливость возражения, сколько приятельские отношения, существующие между должностными лицами волостного правления и находящимся напротив, через дорогу, торговым предприятием Вахромеева» [20. Л. 69 об.]. В дополнение к этому наблюдению инспектор привёл обстоятельное объяснение, опирающееся на личное знакомство с торговлей в с. Тутальском, это полностью опровергло доводы Вахромеева.

Вообще, Д.С. Федорченко без умиления относился к торговцам. Свою уверенность в том, что все они пытаются обмануть податной надзор, он между прочим сформулировал в одном из решений: «В тех торговых предприятиях г. Новониколаевска и других мест Томского уезда, где Председателю присутствия удавалось, благодаря оплошности владельцев, просматривать при поверке торговли ежедневную запись выручки, всегда оказывалось, что словесное заявление торговца бывает обыкновенно раз в десять ниже действительной выручки» [20. Л. 98 об.].

Инспектора Федорченко, таким образом, нельзя назвать мягкотелым. С другой стороны, неоднократно он идёт навстречу плательщикам в таких случаях, когда легко мог бы настоять на первоначальной цифре. Иногда он при этом указывает даже такие основания для понижения, которых не называл сам проситель.

Показательна в этом отношении история Иноземцева. Иван Иванович Иноземцев определял свой годовой оборот в 3 000 руб., ему вменили 12 тыс.

(и 1 200 руб. прибыли), как и в предыдущем году [20. Л. 100]. Из доводов в возражении – только оценка ежедневной выручки в текущем (1907) году. Поскольку налог назначался за предыдущий год, у присутствия были все основания жалобу отклонить. Тем не менее присутствие учло, что И.И. Иноземцеву пришлось отвлекаться от своего дела из-за Русско-японской войны. «По общему удостоверению торговых депутатов Тайги и торгующих в ней», за время флотской службы Иноземцева «торговля в этой лавке по причине неумелого ведения ее женой просителя сильно пала и со времени возвращения владельца не успела еще дойти до прежнего состояния» [20. Л. 120 об.]. Из-за этого «вновь появившегося обстоятельства, неизвестного во время первоначальной раскладки», присутствие понизило вменённый торговцу оборот и, соответственно, прибыль в два с половиной раза.

Ещё более удивительна история новониколаевского владельца мелочной торговли Боуколовского. Дворянин Альфонс Игнатьевич Боуколовский торговал по свидетельству 3-го разряда. Ему вменили 800 руб. прибыли, он же настаивал на прибыли в 180 руб. (при обороте в 1800 р.). Торговля, – жаловался он в возражении, – плохая; торговцев в Ново-Николаевске больше, чем покупателей. Денег на содержание 8 детей не хватает, поэтому в дополнение к торговле «пользуюсь небольшим заработком по моей профессии и специальности как отставной медицинский военный фельдшер», а жена подрабатывает шитьём одежды и белья. Жаловался дворянин-торговец и на то, что лишился сбережений из-за призыва сначала на подавление Боксёрского восстания, а потом и на Русско-японскую войну. Но ничего из этого инспектора не впечатлило.

Оставив без внимания доводы плательщика, председатель присутствия обратил внимание на мимолётное упоминание о том, что торговля открыта с 1 января 1907 г.: значит, торговля первогодная, и взыскивать с А.И. Боуколовского налог за 1906 год нельзя? На эту тему было сомнение: Боуколовский торговал из того помещения, где раньше торговал Гурский. «Внешняя физиономия лавки осталась та же, что была и раньше» – значит, есть основание думать, что податель возражения перекупил дело у своего предшественника, а не начинал с нуля в том же помещении. Председатель провёл специальный опрос, при котором «несколько опрошенных торговцев высказали предположение, что Боуколовский приобрел торговлю Гурского со всеми находящимися товарами и обстановкой» (и значит, предприятие как таковое первогодным не было, налогу подлежало), «другие же подтвердили заявление Боуколовского, говоря, что дело Гурского до перехода торгового помещения к Боуколовскому было ликвидировано и последний завел его вновь» [20. Л. 54 об.]. «Чтобы избежать возможной ошибки», предприятие решили освободить как первоедное. Инспектор Федорченко трактовал сомнения в пользу плательщика!

Готовность Д.С. Федорченко учитывать не только юридически значимые доводы плательщиков, но любые основания для сомнений, ярко проявляется в его

нередких упреках торговцам, не предоставившим в подтверждение своей жалобы торговых записей. Типичный пример дает разбор жалобы новониколаевского торговца 2-го разряда Козьмы Петровича Артюшкина. Он настаивал на том, что у него не только нет прибыли за минувший год, но даже получился убыток. Присутствие упрекнуло его в непредоставлении каких бы то ни было доказательств, «между тем как таковые доказательства в виде, хотя бы, ежедневной записи выручки и поступлений товара у него несомненно имеются, так как он ведет довольно крупную торговлю, покупает товары в Москве и Нижнем и рассчитывается частью векселями» [20. Л. 39 об.]. Эта претензия повторяется в адрес многих солидных магазинов и грамотных коммерсантов. Что важно: это не упрек в непредоставлении правильных бухгалтерских книг, ведущихся «счетоводом» (бухгалтером). Если предприятие предоставляло правильные бухгалтерские книги, то вопрос о вменённой прибыли вообще не вставал: облагалась действительная. Но инспектор, идя навстречу торговцам, готов был учитывать любые записи, способные помочь установить действительность.

Из предыдущих цитат уже видно, что для этого он использовал не только сведения, предоставленные плательщиками. Инспектор активно общался с иными торговцами (включая членов присутствия) и собирал косвенные данные. Результаты этих исследований учитывались не только в спорных случаях, но уже и при первичной раскладке, о чём можно судить по специальным оговоркам в тех решениях, когда плательщику вменялась меньшая сумма, чем следовало бы по формальным признакам. Один из таких примеров – обложение Андриана Прокопьевича Злоказова, владельца кожевенного заведения в Колывани. Из журнала: «Присутствию, в особенности же членам его от г. Колывани, хорошо известна торговая деятельность жалобщика. <...> Раньше Злоказов был самым сильным кожевенным торговцем г. Колывани. В настоящее же время он имеет такого конкурента в лице Рухлядева, который в торговле занял его место. Это обстоятельство присутствием принято в расчет, благодаря чему оборот и прибыли по принадлежащему ему предприятию сравнительно с прошлым годом понижены» (оборот – с 10 до 7 тыс., прибыль – с 1 500 до 1 050 руб.) [20. Л. 94 об.]. Такого рода примеры дополняют облик Федорченко как глубокого знатока подопечных торговцев, дотошно вникающего в их дела с целью правильно обложить их налогом. Девизом Федорченко была не строгость, а справедливость.

Настала пора обратиться к действиям Константина Алексеевича Грузинова. Уже упоминавшийся Д.Л. Киреевский в 1902 г. аттестовал 26-летнего К.А. Грузинова (служившего тогда в Кузнецком уезде) как «совсем еще молодого человека», который «не отличается умением ладить с людьми», но зато усерден в исполнении обязанностей. В частности, в заслугу Грузинову ревизор ставил рост поступлений промыслового налога, ещё точнее – процентного сбора «с излишка прибыли», последним актом определения которого как раз и было рассмотрение возражений

плательщиков. Особенно подчеркнул ревизор то, что возражения плательщиков на раскладку «рассмотрены очень подробно» (правда, тогда, в Кузнецке, их было всего четыре) [21. Л. 370–371 об.]. Это описание не во всём похоже на действия К.А. Грузинова во главе 2-го Томского раскладочного присутствия, где мы застаём его в 1913 г. Помимо 1913 г., сохранились журналы за 1915 г.; в обоих случаях обсуждался налог на доходы предыдущего года. Две эти годовые коллেকции схожи и по составу возражений (наряду с мелкими торговцами, много крупных), и по методам работы инспектора.

По итогам кампании 1913 г. по участку К.А. Грузинова было удовлетворено, хотя бы отчасти, 5 из 29 возражений, в 1915 г. – 3 из 24. Сопоставляя с упоминавшимися цифрами инспектора Федорченко, мы видим, что доля удовлетворённых возражений у Грузинова не ниже. Однако бросается в глаза существенное отличие стиля работы инспектора – отличие к невыгоде плательщиков.

Прежде всего, не во всех случаях удовлетворение возражения Грузиновым можно считать проявлением свободной воли инспектора. Единственное, зато важное исключение даёт случай владельца бондарной мастерской Ивана Кузьмича Самохина [22. Л. 179–183]. Его собственноручно написанное обстоятельное (шесть страниц!) возражение удивляет контрастом между нетвёрдым знанием грамматики (что вполне ожидаемо для владельца мелкой мастерской с десятком рабочих) и прекрасной осведомлённостью в юридических тонкостях. Самохин не только знает в подробностях довольно пространное Положение о промысловом налоге (вместе с приложениями), но также цитирует инструкцию о применении этого положения, ссылается на циркуляр Министерства финансов и на постановление Сената. И главное – он чувствует себя совершенно свободно в своей риторике, с истинно адвокатской обстоятельностью закрывает противнику все возможности контратаки как по существу дела, так и по форме. Отсылая инспектора к официальным нормативам, он показывает, что вменённая ему прибыль превосходит высший предел, возможный с учётом действующего законодательства. Инспектор вынужден был признать правоту заявителя и снизить вменённую прибыль с изначальных 2 тыс. руб. если не до 600 руб., которые заявил плательщик, то всё-таки до 1 200 руб., которые Самохин же указал как высшую цифру, возможную по закону для его предприятия. Случай И.К. Самохина демонстрирует нам то ли недостаточное знание К.А. Грузиновым нормативов, то ли недостаточную внимательность при их использовании, что уже отличает его от Д.С. Федорченко.

Существенная черта работы К.А. Грузинова по рассмотрению возражений – то, что нормой для него является отклонение возражений по формальным основаниям. Приведу несколько примеров, разных по оттенкам, но одинаковых по сути.

Анна Антиповна Савченко, владелица мелочной торговли, пыталась снизить вменённую ей прибыль с 300 до 50 руб. В обоснование своего возражения се-

товала на высокую арендную плату, указывала на малый остаток товара в лавке. Присутствие возразило, что «оборот по данным присутствия не менее 3 000 рублей», прибыль 300 руб. рассчитана «по нормальному проценту» (т.е. по нормативу, утверждённому казённой палатой), и «неправильность определения этой прибыли просительница не доказывает, тем более что оборот ею указан также в 3 000 рублей, как принято и Присутствием» [23. Л. 79 об.]. Таким образом, инспектор отказался обсуждать вопрос по существу и свел все дело к напоминанию о нормативе. Между тем неопровержимо доказать «неправильность определения этой прибыли» заявительница могла бы только правильными бухгалтерскими книгами, но ведь процедура подачи возражений для тех и придумана, кто книг не имеет. По существу, инспектор не рассмотрел это возражение, а просто отмахнулся от него.

«Оставлено без последствий» оказалось и возражение Харитины Ильиничны Кутухтиной, также ведшей мелочную торговлю. В обоснование отказа инспектор писал, что Кутухтина не оспаривает вменённой ей прибыли, «а лишь несогласна с окладом налога» [23. Л. 65 об.] и просит вернуть его на прошлогодний уровень. Но ведь ясно, что владельца лавки просила не изменить ради нее одной законодательно установленную шкалу налога, а изменить размер вменённой ей прибыли. Именно такое понимание подтверждается и ее собственными словами о том, что «торговля в настоящем году не увеличилась, а наоборот, уменьшилась» (потому что некоторые товары у оптовиков исчезли из продажи) [23. Л. 61 об.]. Возражение, таким образом, содержало вполне относящуюся к делу аргументацию – но инспектор прицепился к не вполне точному выражению полуграмотной нарымской мещанки и проигнорировал обсуждение по существу дела.

Владелец сундучного производства Александр Васильевич Рогожкин в своём возражении дал обстоятельный расчёт своей прибыли, исходя из количества произведённого, продажной цены, себестоимости материалов. Все это оказалось напрасным: «Так как в заявлении своем по статье 123 Положения Рогожкин категорически высказал отказ от поверки его заявления в порядке ст. 127 Положения, то по силе ст. 137 Положения он лишён права подавать возражение, и посему возражение его оставлено без последствий» [23. Л. 75]. 127-я статья говорит о проверке декларации за счёт личного осмотра заведения инспектором и просмотра внутренней документации. Действительно, за отказ от такой поверки статья 137 лишала права подавать возражения. И тем не менее Д.С. Федорченко ни разу не прибегал к этому доводу, и вообще не упирал на результаты личного осмотра как главный довод при решении споров, зато всегда находил иные доводы для обоснования своего мнения. К.А. Грузинов же опять перевёл дело в формальную плоскость.

Характерен и ответ на заявление владелицы мелочной лавки Надежды Антоновны Ковешниковой, которая ссылалась на своих «соседей по торговле»,

получивших извещения на гораздо меньшие суммы, чем она. Инспектор в своём заключении записал, что просительница «предложила привести свидетелей» (чем явно исказил и её формулировку, и её мысль), но «согласно закону свидетельские показания в данном случае не имеют места», а нужны именно торговые книги [22. Л. 83 об.].

О том, что К.А. Грузинов имел в виду полноценные бухгалтерские книги, а не просто записи, о которых постоянно напоминал своим подопечным Д.С. Федорченко, можно судить по истории другой владелицы мелочной торговли – Ксении Семеновны Зюлиной. При своём возражении она представила записную книжку с подневной записью выручки. Инспектор в ответ обратил внимание на то, что в изначальном своём заявлении о доходах Зюлина «не предлагала предъявить представленный ею сейчас черновой дневник (писанный карандашом), а просто умолчала на пункт 12-й, чем лишила себя права на подачу возражения. Почему присутствие постановило не входя в рассмотрение дневника, по внешнему виду мало заслуживающего доверия, оставить возражение без последствий» [22. Л. 48 об.]. Тезис о том, что не заполненный 12-й пункт декларации лишает права подавать возражения – это огрубление, переходящее границу неправильности: еще одно лыку в уже известную нам строку. Но главное – приведенная цитата содержит отказ К.А. Грузинова от использования черновых записей как таковых, что контрастирует с методами Д.С. Федорченко.

Таким образом, практика инспектора Грузинова в отношении вспомогательных записей прямо противоречила практике инспектора Федорченко. Говоря шире, норма для К.А. Грузинова – отклонение возражений по сугубо формальному основанию: из-за отсутствия настоящих торговых книг. Но и подача настоящих бухгалтерских книг не избавляла плательщиков от неприятностей. Среди возражений, с которыми работал Д.С. Федорченко, не было ни одного подкрепленного книгами. Напротив, среди возражений, разбиравшихся К.А. Грузиновым, целый ряд – споры вокруг бухгалтерии. Причины этого – отчасти объективные, не зависящие от инспекторов: крупные купцы губернского центра, конечно, более склонны были к ведению солидной отчетности, чем базарные торговцы свежее испеченного города. К тому же именно начало XX в. – время, когда бухгалтерский стандарт быстро внедрялся в жизнь предпринимателей, шестилетний разрыв между деятельностью Федорченко и Грузинова мог в этом отношении сыграть роль. Но есть основания подумать и над ролью личного фактора.

Первой причиной отклонения предъявленных плательщиками книг служила неполнота представленной подборки. Именно на этой основе были отклонены в 1913 г. книги «Портланд-Цемент»: фирма представила только три книги – главная, продажная и журнал; но не были представлены мемориал, инвентарь, товарная и ресконтро, поэтому присутствие «признало их неприемлемыми» даже для определения оборота [22. Л. 114]. Львиная доля случаев отклонения книг

даже не доходила до рассмотрения возражений, мы знаем о них из журналов заседаний по раскладке (это первый этап работы, за которым следовали рассылка уведомлений и подача возражений). В заседании 22 мая 1915 г. из девяти рассмотренных комплектов книг семь были отклонены вовсе, остальные два («Вогау и К», «Плотников с С-ми») признаны годными только для определения оборота, прибыль же рассчитана «из нормального процента» [23. Л. 23 об.]. В частности, торговый дом «Голованов и С-я» подал целых семь книг, но среди них не было ни товарной, ни ресконтро, ни мемориала. Т-во «Бр. Макаровы» со своими тремя книгами не представило: журнала, мемориала, ресконтро, а из представленных книг товарная и кассовая оказались «не подсчитаны, то есть не закончены».

Другая причина отклонения книг – наличие тесной связи с предприятиями, по которым книги не представлены. Так, в 1915 г. присутствие, а за ним и палата отвергли правильные книги сахарного склада торгового дома «И.Г. Харитоненко с С-м» на том лишь основании, что сахар контора покупает не на рынке, а берет с собственных заводов в Харьковской губернии (т.е. покупная цена, а значит, и расход фирмы могут быть завышены, прибыль – занижена) [23. Л. 105–113 об.]. То же произошло с писчебумажным складом известного производителя бумаги И.Е. Ятеса: было указано, что бумагу лавка получает с собственных заводов, а значит, цена ненастоящая [23. Л. 127–134 об.]. Таким же образом пострадала фирма «В. Вытнов с с-м Петром», которая «ведет общее счетоводство по всем своим предприятиям в главной конторе по Миллионной ул., а между тем она не представила книг по этой конторе, а только несколько отдельных книг по своим магазинам и пряничной фабрике за период менее года, и притом не за минувший год, а за предшествовавший ему» [Л. 20–21 об.].

В последнем случае в качестве дополнительного обстоятельства указан период, освещаемый книгами. Это обстоятельство играло самостоятельную роль. Так, все 25 книг И.Г. Тихонова были отклонены, поскольку «обнимают период менее года» [23. Л. 20–21 об.]. Под эту же гребёнку был пострижен торговый дом «М.Ф. Сапожников и А.Ф. Голицына», книги которого «не содержали данных за последний истекший год». Владельцы предприятия не сдались без борьбы. Они указали инспектору на то, что он неправильно трактует закон: на самом деле, были представлены книги за последний завершённый операционный год, который у этого торгового дома не совпадал с календарным; в возражении за подписью Сапожникова цитируется и специальное постановление Сената от 1910 г., прямо разрешающее такое несовпадение [23. Л. 81–81 об., 86–86 об.]. Инспектор всё-таки не уступил и вновь отклонил их книги на том основании, что год закрыт не полностью (а лишь с 22 апреля 1913 г. по 12 апреля 1914 г.), причём кассовая книга не имеет итоговой заверки [23. Л. 81–86]. Цена вопроса в этом случае была на редкость высока: по мерке присутствия получилась прибыль 36 000 руб., а по книгам торгового дома выходил убыток 80 рублей.

Возражение Сапожникова интересно еще одним: торговый дом среди прочего упоминал, что раньше его книги принимались. Такую же жалобу встречаем по предприятию И.И. Смирнова [23. Л. 87–94]: протестуя против отклонения его книг, он в возражении указал, что в прошлые годы книги составлялись точно так же, «и раскладочное присутствие против этого ничего не имело». Это замечание вызвало особый запрос от управляющего казённой палатой, но инспектор в ответ заявил, что в прошлые годы книги на самом деле не принимались. Просто прибыль, исчисленная присутствием, случайно совпадала с прибылью, показанной в книгах; а теперь – не совпала. (Казённую палату такое объяснение вполне устроило).

Борьба, развернутая инспектором Грузиновым в связи с бухгалтерскими книгами, может быть оценена и как борьба любой ценой за повышение доходов (в ущерб плательщикам, невзирая на справедливость), но и как попытка навести должный порядок в той отрасли, где его не хватает. В пользу последней трактовки есть некоторые факты. Известно, что в 1915 г. были признаны годными для определения не только оборота, но и прибыли торговые книги фирмы «Гартог и Станг», тогда как двумя годами ранее им выдвигался упрек в неполноте представленной подборки [23. Л. 21 об.; 22. Л. 161–174]. Значит, после того как фирма подстроилась под требования инспектора, претензии к ней были сняты.

Более того, даже в 1913 г., отметив неполноту набора книг фирмы «Гартог и Станг», инспектор все-таки просмотрел их и, с учетом увиденного, понизил процент нормальной прибыльности для предприятия. Такое же решение было принято по фирме «А. Толкачев и В. Попов». Этот торговый дом тоже представил лишь некоторые книги, и ему тоже понизили процент нормальной прибыльности, поскольку выяснилось, что фирма торгует в основном малоходовым товаром [22. Л. 184–187а].

Похожий случай известен и для возражений, не обеспеченных в бухгалтерском отношении. Правда, возражение Григория Андреевича Воробьева (розничная торговля керосином) в 1915 г. было отклонено на основании «имеющихся у присутствия несомненных сведений» (каких – не уточняется). Но при этом инспектор подчеркнул, что присутствие учло невыгодные особенности его торговли и провело по разряду «разных товаров» («нормальная прибыль» – 8 %), а не мелочной торговли (10%).

В последних трех случаях инспектор делал уступки, не вынужденные законом, которых мог и не делать, если бы видел своей задачей увеличение доходов казны любой ценой. Значит, можно думать, что и К.А. Грузинов был не чужд представлений о справедливости. И все же есть существенные различия между стилем работы двух инспекторов. Это, во-первых, степень готовности инспектора к восприятию чужих доводов. Самое яркое проявление этого – отказ К.А. Грузинова обращать внимание на те самые черновые записи, которые Д.С. Федорченко так настоятельно требовал представлять. Второе различие – это меньшая прозрачность решений: мы можем догадываться, что инспектор взвешивал

вал доводы за и против плательщика, но какие именно, и почему перевесили одни, а не другие – он, как правило, не объясняет. Можно полагать, что эти две мысли описывают грани одного явления: К.А. Грузинов не хотел вникать и не вникал в существо дела так глубоко, как Д.С. Федорченко, у него просто не было столь же подробных доводов в свою пользу, а все сомнения решались не в пользу плательщика.

Таким образом, несомненно доказанным можно считать, что подход к принятию решений раскладочными присутствиями при инспекторах Федорченко и Грузинове существенно разнился. Ясно, что эта разница была прямо связана с личной выгодой инспектора: те подробные обоснования, которые приводил Д.С. Федорченко, были более трудоёмки, чем краткие отписки К.А. Грузинова. Не случайно первый из них работал с утра до ночи и все-таки принужден был терпеть упреки начальства по поводу задержек с подачей документов. Возможно, играло роль и грузиновское «неумение ладить с людьми», а именно это умение обеспечивало Федорченко получение конфиденциальных сведений от торговцев об их собственных товарищах.

Уяснение названного субъективного различия важно постольку, поскольку позволяет увидеть коридор возможностей, созданный для податных инспекторов существовавшим законодательством. Более дружественную (к плательщикам) или более суровую

траекторию движения по этому коридору каждый был волен выбирать сам.

Но, может быть, еще важнее те объективные ограничения (зависевшие уже не столько от закона как такового, сколько от прозы жизни), которые побуждали инспектора пройти по той стенке этого коридора, которая означала траекторию наименьшего сопротивления. Наверное, законодатели ждали от чиновников работы обстоятельной, доскональной, самоотверженной. Но независимо от лучших побуждений, имевшихся у отдельных (или даже многих) сотрудников инспекции (хотя бы в начале их службы), деятельность раскладочных присутствий свелась к минимальному уровню, требуемому законом. Система в целом толкала инспектора к тому, чтобы без фантазий работать против плательщика.

Вот почему при введении в 1916 г. долгожданного подоходного налога законодатель придаст особое внимание соблюдению прав плательщиков – и вскоре появится принцип взимания подоходного налога прямо у источника, что позволит снять проблему проверки деклараций для большинства населения. Таким образом, борьба за прогрессивное налогообложение в России во второй половины XIX в. привела к тому, что усилился контроль государства над личностью гражданина, и в связи с этим была осознана задача обеспечения прав плательщиков против произвола чиновников.

Примечание

¹Мелочная лавка, мелочная торговля – официальные понятия для лавок, торгующих товарами первой необходимости (как продовольственными, так и промышленными).

Список источников

1. Dauntton M. Trusting Leviathan: The Politics of Taxation in Britain, 1799–1914. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 438 p.
2. Dauntton M. Just Taxes: The Politics of Taxation in Britain, 1914–1979. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 406 p.
3. Edwin R.A. Seligman. The income tax. A study of the history, theory and practice of income taxation at home and abroad. New York : The Mac-Millan company, 1914. (2nd edition). 743 p.
4. Kenneth Scheve and David Stasavage. Taxing the rich. A history of fiscal fairness in the United States and Europe. New York : Princeton university press, Russell sage foundation, 2016. 266 p.
5. Ajay K. Mehrotra. Making the Modern American Fiscal State. Law, Politics, and the Rise of Progressive Taxation, 1877–1929. New York : Cambridge University Press, 2013. 429 p. (аннотация к книге).
6. Jan Glete. War and State in Early Modern Europe. Spain, the Dutch Republic and Sweden as fiscal-military states, 1500–1660. London ; New York, 2002. 277 p.
7. The rise of fiscal states: a global history 1500–1914 / Edited by Bartolome Yun-Casalilla and Patrick K. O'Brien. Cambridge university press, 2012. 453 p.
8. Wenkai He. Paths toward the modern fiscal state. England, Japan and China. Harvard university press. Cambridge ; Massachusetts ; London ; England, 2013. 313 p.
9. Eckart Schremmer. Taxation and public finance: Britain, France, and Germany // The Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire. Volume 8: The Industrial Economies: The Development of Economic and Social Policies / Edited by Peter Mathias, Sidney Pollard. Cambridge : Cambridge university press, 1989. P. 315–494.
10. Yanni Kotsonis. States of obligation. Taxes and citizenship in the Russian Empire and early Soviet Republic. Toronto ; Buffalo ; London : University of Toronto press, 2014. 483 p.
11. Margaret Lamb. Defining "Profits" for British Income Tax Purposes: a Contextual Study of the Depreciation Cases, 1875–1897 // The Accounting Historians Journal. 2002. Vol. 29, № 1. P. 105–172.
12. Margaret Lamb. "Horrid appealing": accounting for taxable profits in mid-nineteenth century England // Accounting, Organizations and Society. 2001. № 26. P. 271–298.
13. Margaret Lamb. "Tax practice in the United Kingdom and the Emergence on Interrelations between Accounting and Taxation of Business Profits". Unpublished PhD thesis. 1997.
14. Марискин С.О. Промысловый налог в России во второй половине XIX – первой четверти XX века: по материалам Среднего Поволжья // Экономическая история. 2014. № 1 (24). С. 45–49.
15. Марискин О.И., Марискин С.О. Земские сборы с торгово-промышленного предпринимательства России во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Среднего Поволжья) // Экономическая история. 2013. № 1 (20). С. 22–26.
16. Новоторцева А.М. Профессиональная деятельность податных инспекторов Тверской губернии в конце XIX в.: микроисторический взгляд // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 4. С. 25–40.

17. Кравцова Е.С. Специфика деятельности податных присутствий в Российской Империи в конце XIX – начале XX века // Исторические вызовы и экономическое развитие России : материалы Всерос. научн. Конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. Екатеринбург : АльфаПринт, 2019. С. 217–222.
18. Петров Ю.И. История становления податной инспекции в Западных губерниях России в конце XIX столетия. М. : ЛЕНАНД, 2015. 224 с.
19. Кириллов А.К. От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск : Параллель, 2017. 178 с.
20. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-196. Д. 461.
21. Российский государственный исторический архив. Ф. 573. Оп. 20. Д. 263.
22. ГАТО. Ф. Ф-196. Д. 549.
23. ГАТО. Ф. Ф-196. Д. 548.

References

1. Dauntton, M. (2001) *Trusting Leviathan: The Politics of Taxation in Britain, 1799–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Dauntton, M. (2002) *Just Taxes: The Politics of Taxation in Britain, 1914–1979*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Edwin, R.A. (1914) *Seligman. The income tax. A study of the history, theory and practice of income taxation at home and abroad*. 2nd edition. New York: The MacMillan Company,
4. Scheve, K. & Stasavage, D. (2016) *Taxing the rich. A history of fiscal fairness in the United States and Europe*. New York: Princeton University Press; Russell Sage Foundation.
5. Ajay, K. (2013) *Mehrotra. Making the Modern American Fiscal State. Law, Politics, and the Rise of Progressive Taxation, 1877–1929*. New York: Cambridge University Press.
6. Jan Glete. (2002) *War and State in Early Modern Europe. Spain, the Dutch Republic and Sweden as fiscal-military states, 1500–1660*. Routledge.
7. Yun-Casalilla, B. & O'Brien, P.K. (eds) (2012) *The rise of fiscal states: a global history 1500–1914*. Cambridge University Press.
8. Wenkai, He. (2013) *Paths toward the modern fiscal state. England, Japan and China*. Harvard University Press.
9. Eckart Schremmer. (1989) Taxation and public finance: Britain, France, and Germany. In: Mathias, P. & Pollard, S. (eds) *The Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire. Volume 8: The Industrial Economies: The Development of Economic and Social Policies*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 315–494.
10. Yanni Kotsonis. (2014) *States of obligation. Taxes and citizenship in the Russian Empire and early Soviet Republic*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press.
11. Margaret Lamb. (2002) Defining “Profits” for British Income Tax Purposes: a Contextual Study of the Depreciation Cases, 1875–1897. *The Accounting Historians Journal*. 29 (1). pp. 105–172.
12. Margaret Lamb. (2001) “Horrid appealing”: accounting for taxable profits in mid-nineteenth century England. *Accounting, Organizations and Society*. 26. pp. 271–298.
13. Margaret Lamb. (1997) *Tax practice in the United Kingdom and the Emergence on Interrelations between Accounting and Taxation of Business Profits*. Unpublished PhD thesis.
14. Mariskin, S.O. (2014) Promyslovyy nalog v Rossii vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX veka: po materialam Srednego Povolzh'ya [Trade tax in Russia in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries: based on materials from the Middle Volga region]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 1 (24). pp. 45–49.
15. Mariskin, O.I. & Mariskin, S.O. (2013) Zemskie sbory s torгово-promyshlennogo predprinimatel'stva Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya) [Zemstvo dues from commercial and industrial entrepreneurs in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Middle Volga region)]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 1 (20). pp. 22–26.
16. Novotortseva, A.M. (2018) Professional Activity of Tax Inspectors of Tver Province at the End of 19th Century: Micro-Historical View. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 4. pp. 25–40. (In Russian).
17. Kravtsova, E.S. (2019) [The specifics of the activities of taxable presences in the Russian Empire at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Historical challenges and economic development of Russia]. Conference Proceedings. Yekaterinburg: Al'faPrint. pp. 217–222. (In Russian).
18. Petrov, Yu.I. (2015) *Istoriya stanovleniya podatnoy inspeksii v Zapadnykh guberniyakh Rossii v kontse XIX stoletiya* [The history of the formation of the tax inspectorate in the Western provinces of Russia at the end of the 19th century]. Moscow: LENAND.
19. Kirillov, A.K. (2017) *Ot podushnoy podati k podokhodnomu nalogu: podatnye reformy kapitalisticheskoy Rossii i ikh voploshchenie v Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [From Poll Tax to Income Tax: Tax Reforms in Capitalist Russia and Their Implementation in Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Parallel'.
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund F.-196. File 461.
21. Russian State Historical Archive. Fund 573. List 20. File 263.
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund F-196. File 549.
23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund F-196. File 548.

Информация об авторе:

Кириллов А.К. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: alkir.nsk@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.K. Kirillov, Cand. Sci. (History), senior researcher at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: email: alkir.nsk@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022;
одобрена после рецензирования 09.05.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 21.04.2022;
approved after reviewing 09.05.2022; accepted for publication 28.09.2022.